

Иерусалим, я люблю тебя!

Иерусалим, темно, с улицы видно, как в квартире на первом этаже маленького дома горят длинные свечи на столе. Одна свеча покосилась. Она упала на стол, прямо на белую скатерть, скатерть загорелась. Мимо дома по улице идут два негра 40 и 25 лет, о чём-то говорят. Они видят в окно, как полыхает скатерть. Они стучат в окно, стучат в двери, что-то говорят друг другу. Негр постарше выбивает дверь плечом, хлипкий замок не выдерживает, дверь открывается. Оба негра забегают в квартиру, быстро приносят тазики воды, тушат огонь. В комнате становится темно. Негры выходят из квартиры, улыбаясь и что-то говоря друг другу, бьют по рукам. Они просто прикрывают дверь и идут дальше по улице.

К дому подходит пара – мужчина и женщина, их зовут Лёва и Лида, им по 50 лет. Одеты добропорядочно: на ней длинное серое платье, на голове синий платок, на нем светлая рубашка с коротким рукавом, приличные брюки. Он достает ключ и тут замечает, что замок выбит, быстро открывает дверь, заходит внутрь.

- Что случилось? – спрашивает Лида за его спиной. В комнате темно. Он трогает стол, в свете луны рассматривает свои пальцы.

- Мокро, - говорит Лёва печально. Потом он быстро подходит к шкафу, роется в нём, выкидывает одежду. – Обокрали! – восклицает Лёва трагически.

- Ты ТАМ прятал шекели? – спрашивает Лида. - Да включи свет!

- Какой свет, Лида?

Она приносит тряпку и начинает вытирать воду со стола.

- Лида, Шаббат, ты понимаешь это или нет? – Он вырывает у неё из рук тряпку и швыряет на пол. Берёт распылитель и брызгает себе на руки. Он поднимает лицо куда-то вверх, к небу, и с трагическим надрывом восклицает: - Остались без субботних свечей!

- Надо полицию вызвать, – говорит Лида, собирая с пола тазики.

- Завтра вечером вызовем, - говорит Лёва, снова роясь в шкафу.

- Так и будем сидеть в темноте? – спрашивает она. Он накидывает на плечи что-то, садится на стул и, сложив перед собой руки, начинает немного раскачиваться взад и вперёд. - Да пошёл ты вместе со своим Шаббатом! Сначала Ленин у него был, потом йога, а теперь вдруг Шаббат!

- Лида, мы евреи! - говорит он с пафосом.

- Это что, диагноз? И еще я всегда хотела сказать – я тебе изменяла два года по три раза в неделю. С твоим братом.

Он перестает раскачиваться.

- Ещё в Москве, - добавляет она. Она подходит к стене, включает свет. Теперь мы видим небольшую комнату, посередине стоит обгоревший черный мокрый стол, на котором потухшие свечи, в углу диван, рядом платяной шкаф. Лёва со страхом смотрит на жену голубыми глазами из-под белой ткани с черными полосами по бокам. Она решительно подходит к шкафу, роется, попутно находит пухлый конверт, бросает на пол, роется дальше.

- ВОТ ты их куда засунул, поц.

Он, не снимая с себя ткань, быстро подбирает конверт, достает деньги, пересчитывает. Она достает желтое платье, раздевается истерично, до белых трусов, она маленькая и худая, на спине у неё большая татуировка в виде крыльев, надевает желтое платье – оно до колен, с голой спиной, видно её татуировку. Потом выбегает из дома, садится на велосипед и уезжает куда-то. Мы видим, как она катит по узким улицам, нет машин, только редкие велосипедисты, окна домов светятся, везде горят свечи. Она едет там, где уже нет домов, она выезжает на пустырь, на котором какие-то люди жгут костры. Молодые и не очень, они сидят перед кострами, курят марихуану, пьют пиво, танцуют, один парень в дрэдах играет на барабане. Она подходит к людям, садится на землю, ей дают курить, она курит, ей дают пиво, она пьет, раскачиваясь в такт барабанам. Вдруг начинает капать дождь.

- Лида, - её зовет Лёва. Он печальный стоит возле своего велосипеда, метрах в 10 от неё, он в коричневых сандалиях, надетых на белые носки. – Это капают мои слёзы, Лида. Пойдём домой.

Она отворачивается от него. Дождь усиливается, переходя в ливень. Все спешно убегают к машинам.

- Пойдем домой, пожалуйста, – Он говорит, не приближаясь к ней, жалобным голосом.

Она слушает его спиной, по её крыльям стекают капли. Она сидит под дождем одна, костер потух. Поживаясь, она встаёт, подходит к нему, не глядя в лицо, они молча садятся на велосипеды, каждый на свой, и молча едут рядом друг с другом, мокрые, по мокрому пустому городу, под ливнем.